

В. В. НАБОКОВ И БИБЛИЯ

Набоков и Библия? Как же так? Ведь хорошо известно скептическое отношение Владимира Владимировича Набокова к религии, не раз высказанное как им самим, так и его персонажами.

Гумберт и Шарлотта («Лолита») представляют два ярких примера неверия в Бога. Причем Гумберт в этом вопросе более честен и искренен. Он не скрывает насмешливого отношения к религии и даже пародирует библейские сюжеты. Так, размышляет о том, что был «податлив, как Адам при предварительном просмотре малоазиатской истории, заснятой в виде миража в известном плодовом саду»¹.

Рассуждая о вопросах веры, Гумберт всегда ерничает: «После свадьбы Шарлотта учинила мне допросец насчет моих отношений с Господом Богом»². Нужно заметить, что сам тон героя указывает на пренебрежительное отношение к религии. Характерная следующая его реплика: «Я мог бы ответить, что в этом смысле я был свободен ото всяких предубеждений; вместо этого я сказал — отдавая дань благостному общему месту, — что верю в одухотворенность космоса»³.

Таков настоящий Гумберт Выворотень, что «грезит и волхвует»⁴. Циник, легко переходящий от обращений к Богу (или к богам) к надежде на благосклонность парок или к клятве с упоминанием Пана.

Совершенно иной вид неверия показан на примере Шарлотты Гейз. Вот как описывает Гумберт первое впечатление от встречи с ней: «Она явно принадлежала к числу тех женщин, чьи отполированные слова могут отразить дамский кружок чтения или дамский кружок бриджа, но отразить душу не могут»⁵. Дальнейший ход повествования подтверждает, что это действительно женщина недалекая, с искусственными интонациями, заинтересованная в полезных знакомствах, лишённая чувства юмора и искреннего интереса к чему бы то ни было, занятая лишь мелкими бытовыми проблемами. Тем не менее свое признание в любви к Гумберту она заканчивает патетически: «Молись за меня — если ты когда-нибудь молишься»⁶.

Дело в том, что Шарлотта как образец мешанской пошлости хочет казаться религиозной только оттого, что это полезно для ее репутации в рамздельском обществе,

Юлия Сергеевна Реутова родилась в 1987 году в городе Березовка Одесской области, Украина. Окончила Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по специальности «Юриспруденция». Публиковалась в журналах «Российский колокол», «Русская жизнь», в сборниках и альманахах. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Набоков В. Лолита: Роман / Владимир Набоков; пер. с англ. автора. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 97.

² Там же. С. 102.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Там же. С. 93.

а также оттого, что Бог может дать ей полезный совет, например, стоит ли ей признаться в любви Гумберту или лучше молчать, а еще оттого, что можно съездить в церковь и пообщаться там со своими знакомыми или просто, как в музее, полюбоваться новыми окнами.

Совершенно не интересуясь идейными вопросами веры, Шарлотта подменяет их своими принципами. Она признается: если узнает, что Гумберт не верит в «нашего христианского Бога», то покочнит с собой, что, конечно же, маловероятно.

А вот Герман из романа «Отчаяние» о своем неверии в Бога высказывается так: «Небытие Божье доказывается просто. Невозможно допустить, например, что некий серьезный Сый, всемогущий и всемудрый, занимался бы таким пустым делом, как игра в человечки, — да притом — и это, может быть, самое несуразное — ограничивая свою игру пошлейшими законами механики, химии, математики, — и никогда — заметьте, никогда! — не показывая своего лица, а разве только исподтишка, обиняками, по-воровски — какие уж тут откровения! — высказывая спорные истины из-за спины нежной истерика. Все это божественное является, полагаю я, великой мистификацией, в которой, разумеется, уж отнюдь не повинны попы: они сами — ее жертвы. Идею Бога изобрел в утро мира талантливый шалопай, — как-то слишком отдает человечинной эта самая идея, чтобы можно было верить в ее лазурное происхождение... Я не могу, не хочу в Бога верить еще и потому, что сказка о нем, — не моя, чужая, всеобщая сказка...»⁷

Джон Шейд в своей поэме «Бледный огонь» признается:

Мой Бог умер молодым. Богопоклонство я находил
унизительным, а доказательства —
неубедительными⁸.

Диалог Керна и Монфиори из раннего рассказа Набокова «Удар крыла» (1923) также убедительно доказывает пренебрежение к Богу:

«— А в Бога вы верите? — спросил Монфиори с видом человека, который попадает на своего конька. — Ведь Бог-то есть.

Керн фальшиво засмеялся:

— Библейский Бог. Газообразное позвоночное... Не верю.

— Это из Хукслея, — вкрадчиво заметил Монфиори. А был библейский Бог... Дело в том, что Он не один; много их, библейских богов... Сонмище... Из них мой любимый... „От чихания Его показывается свет; глаза у Него как ресницы зари“»⁹. И далее Набоков приводит несуществующие цитаты в таком же пародийном духе. Поражает в этом диалоге не банальное, сухое неверие Керна, а явно высмеянная автором «вера» Монфиори. Здесь, как и в случае с Гумбертом и Шарлоттой, представлены два вида неверия.

Адам Круг собирается написать книгу о бесконечности сознания, книгу, способную, как замечает биограф Набокова Брайан Бойд, подтвердить его интуитивное ощущение того, что он как-то связан «с непостижимым ладом бытия» за пределом этого мира. Но когда Набоков начинает говорить о Создателе всего сущего, он всегда упоминает «сознание, стоящее на более высоком уровне развития», при этом подчеркивая его

⁷ Набоков В. Соглядатай: Повесть. Отчаяние: Роман. — СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 175–176.

⁸ Набоков В. Бледный огонь: Роман / Владимир Набоков; пер. с англ. В. Набоковой. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 32.

⁹ Набоков В. Полное собрание рассказов / Владимир Набоков; сост. А. Бабиков. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 65.

внеперсональность и переходя к параллелям с Автором, создающим литературное произведение и властвующим над жизнью героев. Примечательно: потеряв все, что любил, Адам Круг вместо веры находит спасение в безумии.

Набоков с пренебрежением отзывается и о религиозных символах. Взять хотя бы отрывок из его письма к Эндрю Филду по поводу фрейдистских терминов, приведенный Бойдом в своей книге «Владимир Набоков: Американские годы». В нем Набоков пишет: «С понятием „символ кастрации“ Вы обращаетесь так, словно оно есть неопровержимая истина, тогда как оно принадлежит тому же уровню, что и идея наших предков, будто печень рыси — верное средство от проказы, а стигматы истерической девчонки — небесное знамение (я прошу прощения, если Вы принадлежите к католической церкви)».

Есть у Набокова и рассказ-пародия на пророка Илью под названием «Гроза», где пророк предстает в образе сердитого старичка с деревянным колесом, упавшего во двор главного героя.

В рассказе «Боги» пародируются религиозные символы. Так, герой заявляет, что все деревья паломники и что у них есть свой Мессия, которого они ищут. Им может оказаться ливанский кедр или даже «совсем незаметный кустик». Там же герой сравнивает себя и возлюбленную с богами просто оттого, что они сегодня счастливы.

Комментируя «Аду», Бойд замечает, что Набоков будто «спрашивает нас, не стоит ли за нашей жизнью нечто проказливое и веселое — не в том смысле, что оно низводит жизнь до бессмысленной игры, но в том, что оно делает ее куда богаче, чем мы могли бы мечтать, богаче даже этого дивного и многообразного мира». Правда, не совсем ясно, что такое «оно» — метафизическая насмешка или Бог?

Полное отрицание Бога в набоковской философии очевидно, но не Его отсутствие. Бог упоминается во многих произведениях, начиная с самых ранних («Соглядатай», «Отчаяние», «Подвиг»), где часто мелькает в речевых оборотах написанный со строчной буквы и всегда, что называется, «всуе».

В рассказе «Рождество» автор наблюдает, как крылья бабочки «все продолжали расти, расправляться, вот развернулись до предела, положенного им богом»¹⁰. В «Лолите», в одной из самых сильных сцен романа — на тахте, Гумберт думает: «Слава тебе боже, девчонка ничего не заметила»¹¹. Кстати, в этой наиболее экспрессивной эротической сцене имя Бога употребляется весьма часто. Причем если в ее начале слово «бог» написано со строчной буквы, то в конце, когда Гумберт ощущает себя на вершине блаженства, появится уже с прописной: «„Пусть она скоро вернется“, — молился я про себя, обращаясь к заемному Богу»¹². То есть Бога, хоть и заемного, он уже признает.

И все же есть некоторое ощущение, что как самому Набокову, так и его героям Бога не то чтобы не хватает, но они иногда упираются, как в тупик, в его зияющее отсутствие — в свое неверие.

Набоков часто перефразирует, пародируя, Священное Писание. Начало «Лолиты», известное всем наизусть: «Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя», отсылает к стиху 11-му 37-го псалма Давида, где тоже есть «свет очей моих», и стиху 14-му 3-й главы книги пророка Варуха, где есть «свет очей». Да и само употребление таких слов, как «чресла», «грех», «душа», пробуждает ветхозаветные религиозные ассоциации.

¹⁰ Набоков В. Истребление тиранов: Избр. проза / Сост. Б. И. Саченко; Вступ. ст. О. Н. Михайлова. — Мн.: Маст. лит., 1990. С. 416.

¹¹ Набоков В. Лолита: Роман / Владимир Набоков; пер. с англ. автора. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 84.

¹² Там же. С. 85.

Когда Гумберт впервые увидел Ло на веранде гейзовского дома, он так описал свои ощущения: «Пока Гейзиха и я спускались по ступеням в затаивший дыхание сад, колени у меня были как отражение колен в зыбкой воде, а губы были как песок». Источником образного сравнения является глава 7 стиха 17-го Книги пророка Иезекииля: «У всех руки опустятся, и у всех колени задрожат, как вода». В Библии Пророк Осия восклицает: «Смерть! Где твое жало?» А Набоков в «Лолите»: «Где твое жало, Катагела?»

В 22-м псалме Давида, в стихе 5 упоминается чаша, которую Набоков вполне мог позаимствовать для разноцветных блошек Гумберта. Отрывок из стихотворения Гумберта «„Выйти я не могу“ повторяет скворец у Стерна» отсылает не только к Стерну, но и к 9-му стиху 87-го псалма Сынов Кореевых: «Я заключен и не могу выйти». Об исчезнувшей Лолите Гумберт скажет в стихах: «Как глуп тот, кто ей вверится». Реминисцентная связь обнаруживается в Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова, в главе 4, стихе 17, где о премудрости сказано так: «кто вверится ей, тот наследует ее».

Вообще, два главных романа Набокова, «Лолита» и «Приглашение на казнь», стилистически наиболее близки к библейским интонациям. Роднит их с книгами Священного Писания и уединенность главных героев, и непохожесть их на других, и их ветхозаветные мольбы.

Очевидно, что образ Цинцинната Ц., одинокого гения, страдальца, говоря словами Христа, человека «не от мира сего» (Ин 8, 23), бережно охраняющего некую истину, напоминает не только красноречивого политического деятеля Древнего Рима Цинцинната Кезона, обвиненного плебеями в чрезмерной гордости, но и библейских пророков, которые претерпевали многие страдания за то, что несли Божью весть. В откровениях Цинцинната, в его торопливых записях обнаруживается много параллелей с книгами Священного Писания. Вот самая очевидная: Псалтырь, глава 13, ст. 1–3: «Нет делающего добро. Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного». Этот отрывок вполне мог быть использован Набоковым в одном из самых стилистически изящных откровений Цинцинната: «Нет в мире ни одного человека, говорящего на моем языке; или короче: ни одного человека, говорящего; или еще короче: ни одного человека...»¹³ Упование Цинцинната на то, что «растает глаза» у понявшего его читателя, напоминает мечту пророка Иезекииля о том, «чтобы растаяли сердца».

Рассказ матери Цинцинната, Цецилии Ц., о том, что его отца она не видела, а только слышала голос, напоминает слова Моисея из Второзакония о десяти заповедях на каменных скрижалях: «И говорил Господь вам на горе из среды огня; глас слов Его вы слышали, но образа не видели, а только глас»¹⁴.

Вообще, образ Цинцинната представляется пародийной копией Христа. Подозрительно много совпадений: юная мать, отец, которого никто не видел, но все слышали только его голос, непонимание окружающих, оберегание истины, принятие уготованной судьбы, неминуемая казнь...

На протяжении всей жизни Набокова занимал вопрос бессмертия человеческого сознания. В «Других берегах» он признается: «Сколько раз я чуть не вывихивал разума, стараясь высмотреть малейший луч личного среди безличной тьмы по оба предела жизни!» И далее сообщает, что изучил все философские и религиозные учения, а также эзотерические практики медиумов, йогов и шаманов, чтобы заглянуть по ту

¹³ Набоков В. Приглашение на казнь. Камера обскура. Отчаяние: Романы / Примеч. О. Дарка, В. Шохиной. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 229.

¹⁴ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / В русском переводе с параллельными местами и приложениями. — М.: Российское Библейское Общество, 1995. С.172.

сторону вечности. Естественно, что 50 великих книг Священного Писания были ему хорошо известны и глубоко запечатлелись в его сознании.

Чарующий стиль Набокова напоминает отчасти стиль Библии, но так ли далеки и набоковские темы от библейских? Из девяти основных тем творчества Набокова: трагичность судьбы героев, утрата земного рая детства, одиночество творческой личности, восхищение ускользающей красотой, двойники и двоящиеся реальности, возвращение в Санкт-Петербург, метафизическая насмешка, желание разгадать загадку жизни и смерти, бессмертие сознания и литературная преемственность — с небольшими оговорками библейские параллели можно проследить в раскрытии восьми тем.

Тема «Трагичность судьбы героев»

Трагичность судьбы героев Набокова хорошо известна. «Лолиту» называют самой трагической историей любви XX века. Силу любви Гумберта к Лолите сравнивают с силой смерти. В аннотации к одному из изданий романа («АСТ», 2007) приводятся слова Соломона: «Ибо крепка, как смерть, любовь... и стрелы ее — стрелы огненные». Действительно, найти у Набокова книгу со счастливым финалом очень трудно. Вспоминается только «Ада». Но... и здесь есть «но». Ван и Ада дожили до глубокой старости, но разве редкие и короткие встречи, чередующиеся с разлуками длиной в десятки лет, — разве это счастье для влюбленных? Плюс вечное чувство вины от осознания того, что они — брат и сестра. Разве это не трагично?

У Набокова трагизм присутствует и на более высоком, метафизическом уровне, он иного, более духовного порядка, чем обычный трагизм событийных фактов, и заключен в некоем предательстве и поругании искренности, нежности и красоты, в жестокой судьбе самих этих качеств. Самый простой пример: мучительная жизнь искреннего, честного, возвышенного, непрозрачного Цинцинната. В его случае трагизм выражается не столько в том, что его заключают в крепость за труднообразимое, несуществующее преступление, и не в том, что его приговаривают к смертной казни, и не в том, что эту казнь приводят в исполнение через отсечение головы, — это все следствия. Трагизм его судьбы обозначен с рождения, и Цинциннат замечает это с раннего детства, и заключается он в его непохожести на других.

Более необычный пример — стихотворение «Феина дочь утонула в росинке» (1 декабря 1918 года), где щемящая нежность и слезы сказочного существа показывают истинного Набокова, пытающегося донести мысль о запредельной, надчеловеческой нежности.

Трагизм Набокова отличается от трагизма других писателей потому, что всегда соединен с утонченной, возвышенной нежностью. Поэтому в его книгах чаще, чем у других писателей, встречается забытое теперь слово «нежность». Главная тема романа «Под знаком незаконнорожденных», по словам самого Набокова, это «биение любящего сердца Круга, мука напряженной нежности, терзающая его». Но, наверное, самый пронзительный отрывок, посвященный нежности, содержится в рассказе «Знаки и символы». Это описание судьбы пожилой женщины, матери безумного молодого человека: «Она смирилась с этим и со многим, многим иным, — потому что, в сущности, жить — это и значит мириться с утратами одной радости за другой, а в ее случае и не радостей даже — всего лишь надежд на улучшение. Она думала о нескончаемых волнах боли, которые по какой-то причине приходится сносить ей и мужу; о невидимых великанах, невообразимо терзающих ее мальчика; о разлитой в мире несметной нежности; об участи этой нежности, которую либо сминают, либо изводят впустую, либо обращают в безумие».

Совсем иначе описана трагическая нежность в рассказе «Рождество», где у главного героя Слепцова умер маленький сын: «Слепцов зажмурился, и на мгновение ему

показалось, что до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь — горестная до ужаса, унизительно бесцельная, бесплодная, лишенная чудес...»¹⁵ Но когда из бисквитной коробки вылетает разбухшая теплом натопленной комнаты бабочка, ее крылья «вздохнули в порыве нежного, восхитительного, почти человеческого счастья»¹⁶. Набоков совершает резкий переход от горя к счастью, и бабочка здесь — символ души его умершего сына, несущий слабую надежду на бессмертие.

Искреннее человеческое сочувствие вызывает поистине трагическая смерть Пильграма, собиравшегося в путешествие, но так и не переступившего порог собственного дома.

Смерть не только часто уносит жизни героев Набокова, она словно присутствует в них как полноправный персонаж, к которому зывают герои:

«— ...Смерть, — тихо сказал Слепцов, как бы кончая длинное предложение»¹⁷.

«Тут кончалась страница, и Цинциннат спохватился, что вышла бумага. Впрочем, еще один лист отыскан. „...смерть“, — продолжая фразу, написал он на нем, — но сразу вычеркнул это слово; следовало — иначе, точнее: казнь, что ли, боль, разлука — как-нибудь так...»¹⁸

Смерть, боль, разлука — основные вехи жизни набоковских героев.

«Беда случается всегда»¹⁹, — замечает рассказчик в «Пнине». Интересно, что «Пнин» по замыслу Набокова роман о страдании. Его главный герой даже собирался вести учебный курс о боли и страдании в истории человечества и рассказал об этом Гагену: «О Тирании. О Сапoge. О Николае Первом. Обо всех предтечах современных жестокостей. Гаген, когда мы говорим о несправедливости, мы забываем об армянской резне, о пытках, выдуманных в Тибете, о колонистах в Африке... История человека — это история боли!» А еще Пнин вопрошает: «Неужели нельзя оставить людям их личные печали? Спрашивается, не есть ли печаль — то единственное на земле, чем человек действительно обладает?»

Лолита останется бессмертной в нашем сознании, но по замыслу автора умирает в родах, разрешившись мертвой девочкой. Не следует забывать, что у Набокова нет ничего случайного, и само имя Лолиты, Долорес, отсылает к *Via Dolorosa* (Пути Скорби Христа) и переводится с испанского как «Скорбящая». По словам самого Набокова, имя девочки содержит указание на нежность и трагедию, на «слезы и розы», соединенные воедино.

Смерть под колесами грузовика настигает Артура из повести «Волшебник». К Ганину никогда не приедет Машенька. Бруно Кречмар из романа «Камера обскура», влюбившись в юную Магду, сначала ослепнет морально, затем попадет в аварию и ослепнет физически, а в итоге будет застрелен Магдой. Марта из романа «Король, дама, валет» задумает убить своего мужа, но внезапно заболеет и умрет сама. Всех близких потеряет Адам Круг. Покончит с собой некрасивая дочь Джона Шейда Хейзель. Самого Шейда настигнет пуля, предназначенная другому.

Вообще, Набоков в своих произведениях исследует самые необычные виды смерти. Например, Хью Персон убивает свою жену Арманду во сне, думая, что спасает от пожара совсем другую женщину, соединившую в себе Юлию Ромео и Джулию Мур.

¹⁵ Набоков В. Истребление тиранов: Избр. проза / Сост. Б. И. Саченко; Вступ. ст. О. Н. Михайлова. — Мн.: Маст. літ., 1990. С. 416.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 415.

¹⁸ Там же. С. 367.

¹⁹ Набоков В. Bend Sinister: Романы: Пер. с англ. / Коммент. С. Ильина. — СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 173.

В последнем, незавершенном романе «Лаура и ее оригинал» Филипп Уайльд, испытывая сильные боли, пытается усилием воли стереть части собственного тела. Он любит свою молодую жену Флору, но безумно страдает от ее измен. Он решает убить ее, но не в жизни, а в собственной книге. Флора же даже не удосуживается прочесть эту книгу. Она так и не узнает о своей необычной смерти. Но ее подруга, прочитав книгу, рассказывает ей, что это смешная и «самая бредовая смерть на свете»²⁰.

В автобиографических «Других берегах» Набоков четко объясняет причину своего трагического мироощущения: «Я должен проделать молниеносный инвентарь мира, сделать все пространство и время соучастниками в моем смертном чувстве любви, дабы, как боль, смертность унять и помочь себе в борьбе с глупостью и ужасом этого унижительного положения, в котором я, человек, мог развить в себе бесконечность чувства и мысли при конечности существования»²¹.

Трагизм набоковских книг, соединенный с их же надчеловеческой нежностью, носит возвышенный, благородный характер. Именно благодаря такому сочетанию его книги навсегда остаются в сердце читателя. Подтверждение тому можно найти в Библии, в 7-й главе, стихах 3–4 в Книге Екклесиаста, где говорится, что «сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья».

Библия — самая трагичная книга в истории человечества. Господь дал людям для жизни все: пищу, одежду, жилье. Все Им было мудро продумано, как замечает апостол Павел. Господь ничего не просил взамен от людей, кроме веры, послушания и признания Его единственным Богом. Одно лишь Он повторял: чтобы люди не поклонялись бессмысленным предметам, которые принимали за богов, но которые не создали этот мир, но сами были созданы людьми, — простым деревяшкам, камням или кускам золота. Как просто. Но и эту просьбу оказалось очень трудно выполнить. И начиная с Адама и Евы, человек ослушивается Господа. Тем не менее Господь всегда готов простить человека. Ною Он подсказал, как сделать ковчег и спастись от потопа. Избрал Авраама для происхождения народа великого и сильного, в котором «благословятся все народы земли». Помог Иосифу выжить в Египте и даже стать настолько уважаемым человеком, что сам фараон обращался к нему за помощью. Моисею Он заключил завет и дал Десять заповедей для жизни. Часто Господь помогал своему народу победить на войне более сильного соперника силой одной только веры. В пустыне посылал манну небесную и делал так, что из камня била вода. Но как только жизнь налаживалась, вера слабела в людях. И вот во времена Манассии Вседержитель снова наказывал свой народ за увлечение язычеством, хотя никогда не переставал любить его и всегда готов был простить раскаявшихся. Давиду Он помог победить более сильного Голиафа. Соломону помог отстроить Иерусалим и распределить землю между двенадцатью коленами Израилевыми. Но уж, видно, так устроен человек, что, живя в спокойствии и богатстве, начинает отступать от Бога. В благополучии вера людей постепенно переставала быть искренней. Книжники и фарисеи стали накапливать большие богатства. Тогда Господь отдал Своего собственного Сына для спасения душ людей. Но люди не поняли смысла этого дара, этой жертвы, не поняли безграничной любви Творца к ним. Они приговорили к казни и распяли Его Сына как преступника.

Трагична жизнь многострадального Иова, которого Господь испытывал, проверяя искренность его веры.

²⁰ Набоков В. Лаура и ее оригинал: Фрагменты романа / Пер. с англ. Г. Барабтарло. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. С. 125.

²¹ Набоков В. Другие берега: Роман / Владимир Набоков. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 269.

Трагична, но возвышенна жизнь пророков, которые уходили от мирской жизни, терпели лишения, побои и всяческие тяготы, только чтобы быть ближе к Богу, только чтобы получить от него весть.

Что может быть трагичнее судьбы Всевышнего, пожертвовавшего собственным Сыном из любви к людям?

Что может быть трагичнее судьбы Христа, преданного собственным учеником Иудой, знавшего предначертанную ему судьбу, но с готовностью принявшего ее?

Что может быть трагичнее судьбы человечества, из-за своего предательства вынужденного встречать приход Антихриста и отдавать ему свои жизни. Трагизм этого предательства растянулся для людей на тысячелетия и подробно, с поразительной точностью, описан в Откровении Иоанна Богослова.

Тема **«Утрата земного рая»** является прежде всего библейской. Даже тем, кто не читал Библию, известна история Адама и Евы, повествующая о том, что Бог создал мир как Рай, как прекрасный сад, наполненный всем необходимым для жизни человека, и поселил в нем двух людей — Адама и Еву. Он все разрешил своим возлюбленным детям, но оставил всего лишь один запрет — не вкушать яблока от древа познания добра и зла, но Ева вкусила плод от древа познания и убедила сделать то же самое Адама. Так и произошло грехопадение. Эта история может показаться смешной и наивной, если не понимать ее глубинного притчевого смысла. Яблоко — символ нарушения запрета (который всегда сладок), завета человека и его Создателя, это символ запрещенного проникновения в замысел Божий, желание быть равным Богу, быть выше его. Вопрос этот не утратил актуальности и в наши дни, когда наука как средство познания попирает нормы религии и морали.

Утрата земного рая связана в философии Набокова с детством. Утрата детства (сама по себе неизбежная) является причиной последующей трагичности судьбы почти всех набоковских героев. Почему именно детству Набоков придавал такой сакральный смысл? Ответ на этот вопрос есть в первой главе автобиографических «Других берегов», где Набоков признается, что изучил всевозможные религии и философские учения, чтобы хоть как-то убедиться в бессмертии человеческого сознания, но не нашел никаких неопровержимых доказательств. Тогда он обратился к более доступным доказательствам, то есть к собственному детству как к периоду жизни между прошлой и будущей вечностями — состояниями до рождения и после смерти.

Если Адам и Ева воплощали наивность юности человечества, то детство каждого отдельного человека и есть отражение юности всего человечества, ведь каждый ребенок проходит путь познания и усвоения культуры всего человечества. Если проанализировать истоки трагедий жизни набоковских персонажей, то понимаешь, что вся трагедия их жизни происходит оттого, что они были вырваны из земного рая своего детства. Достаточно вспомнить маленького Лужина, для которого самым трагическим днем стал день, когда отец объявил ему, что он пойдет в школу. Для мальчика это означало утрату привычных детских радостей, неудобство незнакомой обстановки, присутствие рядом неприятных, неинтересных и ненужных ему людей. Жизнь шахматного гения сделала его внутренним эмигрантом, отрешенным от обычной жизни. И жизнь его закончилась трагически — он сделал свой решающий ход из окна.

Трещина через всю жизнь пролегла и из юности Гумберта Гумберта, когда его первая, детская любовь осталась физически не воплощенной, а маленькая Аннабелла умерла. В итоге Гумберт получил мучительную страсть к нимфеткам — маленьким девочкам, обладающим демоническим началом, и одновременно оказался внутренним эмигрантом из-за этой необычной страсти, придав ей эстетическую ценность. Любовь к двенадцатилетней Долорес Гейз (сказочной нимфетке, его Лолите) подвела к финалу его трагическую судьбу. Трагизм этот заключен в утрате Лолиты, в ее ис-

чезновении из его жизни. И все же для Гумберта большей трагедией стала не физическая утрата Лолиты, а то, что она перестала быть ребенком. Когда он стоял у обрыва над маленьким городком, откуда доносились голоса играющих детей, и ждал, пока его схватят полицейские, он понял, что «пронзительно-безнадежный ужас состоит не в том, что Лолиты нет со мной рядом, а в том, что голоса ее нет в этом хоре»²².

В «Других берегах» Набоков с искренней любовью воссоздает свое счастливое детство. Начиная с самых ранних произведений тема счастливого детства часто трансформируется в трагедию утраты детства. Она является универсальной почти для всех его героев: Ганина, Эдельвейса, Смурова, Адама Круга, С. Найта и его брата В., Пнина, Шейда, Хью Персона, Вадима Вадимыча, Вана Вина, Ады и многих других. Боль от неизбежной утраты детства выражается как в трагичных судьбах главных героев, так и во множестве детских смертей: Лолиты, Давида, Хейзель, сына Слепцова, Ирмы и др.

«**Одиночество творческой личности**» предстает у Набокова как «Одиночество избранной личности». Потому что одиночество всегда несет печать избранности. Одиночество — это всегда служение чему-то великому, это предначертанный путь, с которого невозможно свернуть. Потому что одиночество не бывает вне смысла, его порождающего. Ведь как дар пророчества во времена Ветхого Завета, так и служение Христу евангелистов были не только признаком избранности, но служением Богу с жесткими самоограничениями, с огромным самопожертвованием и претерпеванием многих горестей. Пророки терпели всяческие лишения потому, что предсказывали то, что говорил им Господь, а не то, что людям хотелось слышать, за это их осмеивали и побивали. Та же участь постигла и Евангелистов. Апостол Павел говорит, что, хоть его и будут бить, он не отречется от Христа.

У Набокова практически все герои одиноки. Герои ранних произведений, как, например, Путя из рассказа «Лебеда», одиноки пока еще бессознательно, они только намечают свою отъединенность от окружающих, свое некое неизгладимое отличие. Но в следующих произведениях его герои осознают, что такая обособленность — это служение искусству. Они тщательно анализируют свои мысли, вырабатывают собственную философию. Искусство имеет для них высшую ценность потому, что является наиболее доступным видом бессмертия. А что может быть важнее бессмертия?! Поэтому большинство героев Набокова — писатели или мыслители с неизбежной печатью одиночества как знака творческого избранничества: Мартын Эдельвейс, Смуров, Адам Круг, Цинциннат Ц., Гумберт, Себастьян Найт, Федор Константинович Годунов-Чердынцев, Кончеев, Джон Шейд, Ван Вин, Вадим Вадимыч, Филипп Вайльд.

Хью Персон из «Прозрачных вещей» мечтает попасть в «невывразимый рай одиночного заключения»²³. Себастьян Найт также «приговорен к благодати одиночного заключения внутри себя»²⁴. У Пнина, заметившего, кстати, что главная характеристика жизни — это отъединенность»²⁵, есть обращение к Лизе, где он говорит, что гений не в состоянии предложить всего себя, так как ему многое приходится оставлять про запас. А другой герой Набокова, Федор Константинович, замечает в «Даре», что «всецело посвятить себя никому не способен»²⁶. Понятен и страх героя рассказа «Ужас», который признается своей подруге: «Мне страшно, что со мной в комнате другой человек, мне страшно самое понятие: другой человек. Я понимаю, отчего сумасшедшие

²² Набоков В. Лолита: Роман / Владимир Набоков; пер. с англ. автора. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 419.

²³ Набоков В. Ада, или Радости страсти. <https://www.litmir.me/br/?b=104212>.

²⁴ Набоков В. BendSinister: Романы: Пер. с англ. / Комментар. С. Ильина. — СПб.: Северо-Запад, 1993. С.38.

²⁵ Набоков В. Пнин. <http://lib.ru/NAVOKOW/Pnin.txt>.

²⁶ Набоков В. Дар: Роман, рассказы / Комментар. О. Дарка; Худож. В. Норазян. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 1997. С. 184.

не узнают своих близких»²⁷. Такая мысль могла прийти в голову лишь тому, для кого одиночество — естественное состояние.

Набоков часто сравнивает писателя с творцом. Действительно, автор создает героев, продумывает им судьбу, вдыхает в них дух жизнеподобия. Писатель живет в мире идей, для этого ему нужны герои-интеллектуалы, старающиеся дать определение Времени и Пространству, ищущие «ключа от жизни и смерти», изучающие потусторонность, видящие именно в творчестве путь к бессмертию души и сознания. Если учесть, что творческий процесс есть возвышенное состояние, общение с высшими сферами, то творчество — самый мистический и самый доступный способ проникновения человека в иные сферы бытия. Именно поэтому почти все главные герои Набокова — писатели, философы, мыслители, и в их рассуждениях часто присутствуют библейские интонации. Среди них особенно примечательны образ Цинцинната Ц. с его чужеродностью окружающим и размышления поэта Кончеева, в которых он приходит к выводу об обретении бессмертия в сознании будущего читателя.

И в Библии, и у Набокова одиночество часто связано с некой тайной, со служением чему-то высшему. Например, Цинциннат рассуждает так: «С тех пор, как помню себя, — а помню с беззаконной зоркостью, — собственный сообщник, который слишком много знает о себе, а потому опасен, а потому... Я исхожу из такого жгучего мрака, таким выюсь волчком... до сих пор ощущаю тот исконный трепет, первый ожог, пружину моего я. Как я выскочил, — скользкий, голый! Да, из области, другим заказанной и недоступной, да, я кое-что знаю... Я еще многое имею в виду, но неумение писать, спешка, волнение, слабость... Я кое-что знаю. Я кое-что знаю»²⁸. И эта тайна несет опасность для окружающих. А потому он будет приговорен к смертной казни через отсечение головы.

Цинциннат воспринимает жизнь, смотря на нее глубокими глазами истины, вполне понимая ее суетность и мелочность по сравнению с чем-то великим, настоящим, частично являющимся иногда во сне, чему он хочет подобрать имя, ясно осознавая свою сопричастность: «В снах моих мир был облагорожен... К тому же я давно свыкся с мыслью, что называемое снами есть полудействительность, обещание действительности, ее преддверие и дуновение, то есть что они содержат в себе, в очень смутном, разбавленном состоянии, — больше истинной действительности, чем наша хваленая явь, которая, в свой черед, есть полусон, дурная дремота, куда извне проникают, странно, дико изменяясь, звуки и образы действительного мира, текущего за периферией сознания... Он есть, мой сонный мир, его не может не быть, ибо должен же существовать образец, если существует корявая копия»²⁹.

Цинциннату открывается трагичность бытия: «Все сошлось... Все обмануло, сойдясь. Вот тупик тутошней жизни... Есть у нее свой губительный изъян... Я его обнаружил. Я обнаружил дырочку в жизни, — там, где она отломилась, где была спаяна некогда с чем-то другим, по-настоящему живым, значительным и огромным»³⁰.

Во многом очень похожий на Цинцинната, Лик из одноименного рассказа тоже мечтал, что «очутится в невероятно нежном мире, сизом, легком, где возможны сказочные приключения чувств, неслыханные метаморфозы мысли»³¹.

²⁷ Набоков В. Полное собрание рассказов / Владимир Набоков; сост. А. Бабиков. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С.227.

²⁸ Набоков В. Приглашение на казнь. Камера обскура. Отчаяние: Романы / Примеч. О. Дарка, В. Шохинной. — М.:ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 226.

²⁹ Там же. С. 226–228.

³⁰ Там же. С. 308–309.

³¹ Набоков В. Полное собрание рассказов / Владимир Набоков; сост. А. Бабиков. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 482.

Тема «Восхищение ускользящей красотой»

В Библии практически нет восхищения человеческой красотой. В отношении женщин все вообще очень строго. Религиозные нормы жестко регламентируют внешний вид женщин и поведение в быту. Их роль сводится к заботе о семье. В книгах Священного Писания невозможно встретить сильную любовь, которая может подвигнуть на великие дела и/или разрушить жизнь, и в этом, конечно, их главное отличие от книг Набокова, где чувства мужских персонажей описаны так тонко, искусно и вкрадчиво, что запоминаются навсегда. В Библии же чувства носят общечеловеческий, нравоучительный характер. Любовь понимается в широком смысле. Иисус учил, что любовь от Бога и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога (1 Ин 4, 7). Там же Христос говорит, что если не любишь своего ближнего, которого видишь, то как же можете любить того, кого не видишь (1 Ин 4, 20).

Некоторое исключение представляет лишь «Песнь Песней» Соломона, где дана важная характеристика силы любви: «Ибо сильна как смерть любовь. И стрелы ее — стрелы огненные». Именно эта цитата и была помещена на обложку «Лолиты» в издании 2007 года. Но это единственный случай, когда понимание любви в книгах Священного Писания и в произведениях Набокова непосредственно соотнесены. Почти каждый мужской персонаж у Набокова опален огненными стрелами любви и погибает от них. Это и застреленный Бруно Кречмар, и Артур из повести «Волшебник», раздавленный колесами грузовика. Самый убедительный пример — Гумберт. Он настолько красноречиво описывает свои физические и духовные ощущения, что не вызывает сомнений в их подлинности. Он удивительно точно может передать и порывы желания, и духовные страдания. Но главное, что в финале он приходит к настоящей любви к уже повзрослевшей Лолите, уже не такой юной, уже не такой красивой, носящей под сердцем чужого ребенка. Его любовь из вождления превращается в общечеловеческую и приближается к той, о которой говорит Христос.

Апостол Павел говорил о том, как мудро устроен мир, говорил о красоте и разумности Божьего промысла. И для Набокова характерно осознание не только человеческой красоты, но и красоты вещей и идеально сложившегося узора судьбы или ее определенного момента. Доказательством может служить заключительная цитата из рассказа «Драка»: «...дело вовсе не в страданиях и радостях человеческих, а в игре теней и света на живом теле, в гармонии мелочей, собранных вот сегодня, вот сейчас единственным и неповторимым образом»³².

Любви и красоте посвящены почти все произведения Набокова. Даже искусству, этому источнику бессмертия, писатель дает определение через красоту: «Красота плюс жалость — вот самое близкое к определению искусства, что мы можем предложить». И далее продолжает, переходя к теме быстротечности и трагичности красоты: «Где есть красота, там есть и жалость, по той простой причине, что красота должна умереть: красота всегда умирает, форма умирает с содержанием, мир умирает с индивидом»³³.

Джон Шейд из «Бледного огня» прямо заявляет: «Теперь я буду следить за красотой, как никто за нею не следил еще»³⁴.

Рассказчик в романе «Король, дама, валет» признается: «Красота уходит, красоте не успеваешь объяснить, как ее любишь, красоту нельзя удержать, и в этом — единственная печаль мира»³⁵.

³² Набоков В. Полное собрание рассказов / Владимир Набоков; сост. А. Бабиков. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 198.

³³ Набоков В. Лекции по зарубежной литературе / Владимир Набоков; пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейн, В. Гольшева и др. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 367.

³⁴ Набоков В. Бледный огонь: Роман / Пер. с англ. В Набоковой. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. С. 63.

³⁵ Набоков В. Король, дама, валет: Роман. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 248.

Тема «Метафизическая насмешка»

Библия — свод священных книг, и ни о какой насмешке там речи идти не может, даже о метафизической. Но в Священном Писании у Бога есть антагонист — змий, сатана, дьявол, антихрист, зверь. Он не имеет конкретного определения, но предстает противопоставленной Творцу силой — силой разрушения всего, Им созданного, и всегда мечтает быть во всем выше Бога. Неизменно во всех своих обличьях он представляет собой хитрую, лживую и насмешливую сущность, так что вполне мог бы носить имя метафизической насмешки. Это он поспособствовал грехопадению первых людей — Адама и Евы. Это он через накопление земных богатств заставляет человечество отступать от Бога на протяжении всей своей истории. Это он, по предсказанию Иоанна Богослова, разъяренным падет на землю в последние времена, чтобы ослепить людей, сделать их неспособными отличить добро от зла, поклониться зверю и погибнуть физически и духовно. Думаю, у каждого при чтении Библии вызывает недоумение эта бесконечная череда предательств. Действительно, при несомненном всемогуществе Бога предательство на протяжении тысячелетий периодически повторяется. И является важным аргументом атеистов в пользу неверия. Но как ни парадоксально, доказывает в то же самое время великую силу Творца — силу дать абсолютную свободу воле человека быть с Богом или со Злым Насмешником.

У Набокова среди героев есть «злые насмешники» и «объекты насмешек». К первым относятся: Горн — счастливый соперник Бруно Кречмара, Клэр Куильти — счастливый соперник Гумберта, тоталитарный правитель государства обезличенных людей Падук, все тюремщики Цинцинната, фокусник Шок, юная Магда Петерс, нимфетка Лолита, молодая развратная Флора. Ко вторым: мальчик Путя, с которым не хотят играть другие дети; непонятые окружающими мыслители Цинциннат Ц. и Себастьян Найт, шахматный гений А. И. Лужин, нелепый и добрый профессор Пнин, пожилой и безнадежно влюбленный писатель Филипп Вайльд.

Встречаются у Набокова и особые вариации на эту тему. Например, Смуров умудряется сочетать в себе и то и другое. Ему кажется, что он ловко обманывает окружающих, в то время как сам оказывается жертвой.

А сам дьявол является в образе пожилой женщины — госпожи Отт в рассказе «Сказка». В «Лолите» безликий персонаж, по имени Мак-Фатум, играет роль злого рока в жизни Гумберта.

Сам Набоков, несомненно, был насмешником. Он шутил над своими знакомыми, сотрудниками, друзьями. Как-то пошутил над своим коллегой профессором Ланге по поводу проверки студенческих работ. Сам Набоков проверял только самую первую работу у каждого студента, а потом весь год уже не проверял, так как, по его словам, «никто никогда не исправляется».

О насмешливости Набокова упоминают и княгиня З. Шаховская, и его друг Эдмунд Уилсон, который считал писателя злым шутником и любил повторять, что ключ к пониманию его характера — злобредность. Даже если эти люди и относились к нему предвзято, думаю, их оценки не были лишены оснований. Вряд ли можно создать такие характеры, как Куильти, Горн или Шок, не испытывая подобных чувств.

Убедительным примером служит Шок, который не только работал фокусником, но и обожал разыгрывать свою жену и, по словам автора, «не мог пропустить случай, чтобы не сотворить обмана, мелкого, ненужного, но изысканно хитрого»³⁶.

³⁶ Набоков В. Полное собрание рассказов / Владимир Набоков; сост. А. Бабинов. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С 102.

Набоков однажды сам признался, что он клоун. Брайан Бойд в своей книге о писателе приводит его слова: «Вера не смеется. Она замужем за одним из величайших клоунов всех времен, но она никогда не смеется»³⁷.

«Возвращение в Санкт-Петербург», конечно, никак не может быть общей темой творчества Набокова и откровений библейских пророков. Но и в произведениях Набокова, и в истории народа Израиля присутствует один, самый важный город, к которому обращены все мысли, стремления и чаяния. Это Иерусалим, утраченный и вновь обретенный и отстроенный.

Набоков, после вынужденной эмиграции из своего любимого Санкт-Петербурга, из своего единственного дома, никогда не оставлял надежды вернуться. Любимым возможным способом. Больше всего он обращался к любимому городу в стихах. У него целых четыре одноименных стихотворения и множество упоминаний о городе в других. С удивительными подробностями Набоков рассказывает о жизни Петербурга, о доме на Большой Морской, 47 в автобиографической книге «Другие берега». Этот дом с эркером был для него в детстве как воздушный шар, который будто возносился ввысь, когда за окном шел мягкий, бесшумный снег. Детская память сохранила и отблеск драгоценностей, которые показывала маленькому Лоди его мать Елена Ивановна, и витражи между лестничными пролетами, и гувернантку-француженку, и, конечно, отца, депутата-кадета Владимира Дмитриевича, которого он очень любил и боялся потерять, и дачные прогулки на велосипеде, и ловлю бабочек, и первую любовь.

Герои Набокова, как и сам автор, никогда не теряли надежду на возвращение. Они мечтали просто перейти границу и кануть в неизвестность, как Мартын Эдельвейс из романа «Подвиг», или пересечь ее под именем некоего Никербокера («Другие берега»). Когда писателю стало очевидно, что физическое возвращение невозможно, он стал мечтать вернуться хотя бы в своих книгах, и мечта его сбылась, причем еще при жизни. В 60-е годы, когда радио «Свобода» стало транслировать произведения Набокова на Советский Союз, и у «Защиты Лужина», и у «Приглашения на казнь» появились русские читатели, которые даже писали автору благодарные письма. И письма эти к нему доходили и очень радовали его.

Тема **«Желание разгадать загадку жизни и смерти»**

Воистину ужасна описанная в Евангелиях смерть Иисуса Христа, сына Божия, отданного на заклятие своим Отцом для спасения человечества от грехов, но преданного своими учениками и распятого на кресте. При этом особенно ужасно то, что люди не поняли и не приняли этой великой жертвы и казнили Сына Божьего как преступника. А ведь Иисус знал свою судьбу, знал, что его предадут, знал, что казнят. Но знал и то, что воскреснет. И что придет снова. Таким образом, в книгах Евангелия смерть оказывается побеждена.

Одна из ключевых тем Набокова — это Смерть и ее Преодоление. Преодоление «подлой бездны смерти»³⁸. И почти все его главные герои заняты этим вопросом: Смулов, Гумберт, Ван Вин, Вадим Вадимыч, С. Найт, Фальтер и, конечно же, Джон Шейд, о котором Набоков прямо говорит в письме к главному редактору «Нью-Йоркера» Кэтрин Уайт: «Поиски моего персонажа сосредоточены на вопросе жизни до рождения и после смерти, и на него, должен Вам сказать, дан изысканнейший ответ». Эта мысль полностью совпадает не только с уже упомянутым отрывком из первой главы

³⁷ Бойд, Брайан Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. — СПб.: Симпозиум, 2010. С. 692.

³⁸ Набоков В. Бледный огонь: Роман / Владимир Набоков; пер. с англ. В. Набоковой. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 35.

автобиографических «Других берегов», но и с рассуждениями о смерти Вана Вина из романа «Ада». В своем романе «Ткань времени» Ван пишет о том, что в смерти страшнее всего утрата собственного «я», индивидуальности и личных сокровищ сознания. Вот фрагмент его рассуждений: «Что в умирании хуже всего. У тебя выдирают всю память, — конечно, это общее место, но какой отвагой должен обладать человек, чтобы снова и снова проходить через это общее место и снова и снова, не падая духом, хлопотать, накапливая сокровища сознания, которые у него непременно отнимут»³⁹.

Набоковские персонажи дают множество самых неожиданных определений смерти.

Адам Круг колеблется в определении смерти — от «мгновенного обретения абсолютного знания» до «абсолютного ничто».

Ван Вин называет смерть «господином всех безумий»⁴⁰.

Герой повести «Ultima Thule» также понимает смерть как утрату собственной личности.

Смерть Люсетты из «Ады» описана как «набор бесконечных долей одиночества»⁴¹.

В «Бледном огне» Набоков называет смерть «прельстительной» и «недопустимой» бездной.

Большинство из определений смерти связано с невозможностью смириться с утратой индивидуальности и полным безразличием к этому окружающего мира. Вот что говорит герой в рассказе «Ужас»: «...мы утешаем себя, что мир не может без нас существовать, что он существует, поскольку мы существуем, поскольку мы можем себе представить его. Смерть, бесконечность, планеты — все это страшно именно потому, что это вне нашего представления»⁴². Ужасна именно эта «страшная бессмыслица».

Идея преодоления смерти через потусторонность как возможность «вселяться в чужую душу, в любое количество душ» рассматривается Набоковым уже в его ранних рассказах и окончательно оформляется в «Истинной жизни Себастьяна Найта».

Потусторонность по Набокову, то есть возможность творца находиться в различных предметах и самых разных душах, является одним из способов преодоления бессмертия, при котором личность бесконечно варьируется и количественно умножается, то есть продлевается. Причем этот способ бессмертия открыл не зрелый Набоков, а совсем молодой. Еще в раннем рассказе «Звуки» герой, пребывая в возвышенном, лирическом настроении, говорит после того, как увидел слезы Пал Палыча, вызванные любовью к его собственной возлюбленной: «Я чувствовал, что омылся в чужой грусти, сияя чужими слезами. Это было счастливое чувство, и с тех пор изредка испытываю я его при виде склоненного дерева, прорванной перчатки, лошадиных глаз. Оно было потому счастливое, что лилось гармонично. Оно было счастливое, как всякое движение, излучение. Был я когда-то раздроблен на миллионы существ и предметов, теперь я собран в одно, завтра раздроблюсь опять. И все в мире переливается так»⁴³.

Никитин из рассказа «Порт» делает похожее признание: «Так и пахло... нежностью русских захолустных будней, и сразу, по чудному и тайному сочетанию мысли, мир показался еще шире, захотелось плыть по морям, входить в баснословные заливы, везде подслушивать чужие души»⁴⁴.

³⁹ Набоков В. Собрание сочинений в 5 т.: Пер. с англ. / Сост. С Ильин, А. Кононова. Комментар. С. Ильина, А. Люксембурга. — СПб.: Симпозиум, 1997.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 476.

⁴² Набоков В. Полное собрание рассказов / Владимир Набоков; сост. А. Бабинов. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 229.

⁴³ Там же. С.34.

⁴⁴ Там же. С. 87.

Иванов из рассказа «Совершенство» жил внешне бедно и скучно, но душа его была занята мыслями о потустороннем: «Его мысль трепетала и ползла вверх и вниз по стеклу, отделяющему ее от невозможного при жизни совершенного соприкосновения с миром. Страстно хотелось все испытать, до всего добраться, пропустить сквозь себя пятнистую музыку, пестрые голоса, крики птиц, и на минуту войти в душу прохожего, какходишь в свежую тень дерева»⁴⁵. Он грустит оттого, что «осужден жить сбоку от жизни, что всегда было и будет так и что поэтому, если смерть не окажется для него выходом в настоящую сущность, он жизни так никогда и не узнает»⁴⁶.

Граф Ит из рассказа «Занятой человек» рассуждает: «Не сопряжен ли переход души в загробную жизнь... с возможностью случайных помех?»⁴⁷ Не следует ли предпринять какие-нибудь физические или духовные меры для его успешности? Не является ли религия таким средством?

Уход в свои книги предпринимает Василий Шишков в качестве способа уйти из жизни.

Себастьян Найт утверждает, что душа — лишь форма бытия, что любая душа может стать твоей, если ты уловишь ее извивы и последуешь им.

Есть очень важный комментарий Брайана Бойда на эту тему: «Набоков же представляет, что преодолеть смерть можно лишь в той мере — и это мера достаточно велика — в какой можно перейти в состояние, где сознание сохраняет накопленные им личные сокровища, но более не пребывает в „одиночном заключении души“»⁴⁸.

Очевидно, что для Набокова «посмертие» означает выход из одиночного заключения своей личности, часто оно приближается к понятию «нежность». Смерть — разоблачение, смерть — причащение. «Слиться с ландшафтом — дело, может быть, и приятное, однако тут-то и конец нежному эго»⁴⁹, — говорит Набоков в «Пнине». Бойд, анализируя «Пнина», также прибегает к понятию «нежность», имея в виду освобождение, исчезновение страданий после смерти: «Возможно, за пределами жизни существует некая сила, которая в конечном счете преследует добрую цель, невидимую нами за тем, что кажется преднамеренно обрушиваемыми на жизнь человека невзгодами или даже бесконечной историей человеческого страдания, — сила, которой приходится отбрасывать на нас тень несчастья лишь для того, чтобы высветить сострадание и нежность на ином уровне бытия»⁵⁰.

Понимание жизни как тюрьмы и ожидание за пределами жизни иной реальности, наполненной добротой, нежностью и сочувствием, характерно и для других персонажей. Цинциннат из «Приглашения на казнь» замечает по поводу своей темницы, причем имея в виду не камеру, а мир вообще: «Ошибкой попал я сюда — не именно в темницу, а вообще в этот страшный, полосатый мир: порядочный образец кустарного искусства, но в сущности — беда, ужас, безумие, ошибка...»⁵¹ Другой, истинный мир он пытается описать так: «Там — неподражаемой разумностью светится человеческий взгляд; там на воле гуляют умученные тут чудачки; там время складывается по желанию, как узорчатый ковер, складки которого можно так собрать, чтобы соприкосну-

⁴⁵ Там же. С.354.

⁴⁶ Там же. С. 483.

⁴⁷ Там же. С.300.

⁴⁸ Бойд, Брайан Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. — СПб.: Симпозиум, 2010. С. 808.

⁴⁹ Набоков В. В. Пнин. <http://lib.ru/NAVOKOW/Pnin.txt>.

⁵⁰ Бойд, Брайан Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. — СПб.: Симпозиум, 2010. С. 341.

⁵¹ Набоков В. В. Приглашение на казнь. Камера обскура. Отчаяние: Романы / Примеч. О. Дарка, В. Шохин. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 226.

лись любые два узора на нем, — и вновь раскладывается ковер, и живешь дальше, или будущую картину налагаешь на прошлую, без конца, без конца... там все поражает своей чарующей очевидностью, простотой совершенного блага; там все потешает душу, все проникнуто той забавностью, которую знают дети; там сияет то зеркало, от которого иной раз сюда перескочит зайчик...»⁵² И в том, другом мире Цинцинната, уже после казни, встречают существа, подобные ему.

Именно сохранения индивидуальности ожидает Шейд после смерти. Это следует из строк его поэмы:

Готов я стать цветочком
Или жирной мухой, но никогда не позабыть.
И я отвергну вечность, если только
Печаль и нежность
Смертной жизни, страсть и боль...
.....
Не предстоят новоумершим в небесах,
Хранимые годами в их твердынях⁵³.

Посмертие у Набокова, по словам Бойда, это «освобождение от сегодняшней муки, когда смерть позволяет шагнуть из тюрьмы времени в свободный мир, где времени нет».

Тема «Бессмертие сознания и литературная преемственность»

Бессмертие — это вторая после «Перехода из жизни в смерть» тема, сближающая книги Набокова со Священным Писанием. Христос своим Воскресением впервые доказал, что смерть может быть побеждена. Иисус является Сыном Божиим, и именно это объясняет чудо Воскресения.

Поскольку Набокова и его героев более всего тревожила в смерти утрата собственного «я», то им необходимо было найти свое средство для ее преодоления.

«Вождею бессмертия, хотя бы земной его тени!»⁵⁴ — восклицает Федор Константинович в письме к матери.

Смуров мечтает, чтобы его имя мелькало в будущем, после его смерти, хотя бы как призрак в разговоре посторонних людей.

Последнее желание Цинцинната Ц. перед казнью — «кое-что дописать», чтобы осталась хотя бы призрачная надежда иметь читателя.

К неродившемуся читателю обращается сам Набоков в своих стихах.

О литературной преемственности говорят строки стихотворения, завершающего роман «Дар»: «...для ума внимательного нет границы там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, и не кончается строка»⁵⁵.

Определяющая мысль Набокова о бессмертии сознания выражена в словах поэта Кончеева из «Дара»: «Настоящему писателю должно быть наплевать на всех чи-

⁵² Набоков В. Приглашение на казнь. Камера обскура. Отчаяние: Романы / Примеч. О. Дарка, В. Шохин. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 228–229.

⁵³ Набоков В. Бледный огонь: Роман / Владимир Набоков; пер. с англ. В. Набоковой. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 50–51.

⁵⁴ Набоков В. Дар: Роман, рассказы / Коммент. О. Дарка; Худож. В. Норамян. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 1997. С. 365.

⁵⁵ Набоков В. Тень русской ветки: Стихотворения, проза, воспоминания. — М.: ЭКСМО-Пресс, ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. С. 571.

тателей, кроме одного: будущего, который, в свою очередь, лишь отражение автора во времени»⁵⁶.

«Спасение в искусстве — это единственное бессмертие, которое мы можем разделить с тобой, моя Лолита»⁵⁷, — читаем мы в конце великой книги и понимаем, что способом преодоления смерти человеческой личности для Набокова становится искусство.

Таким образом, священные книги Библии оказали огромное влияние на всю культуру человечества. И один из ее ярких представителей — Владимир Владимирович Набоков — не является исключением. Несмотря на декларируемое неверие и саркастические высказывания о Боге как самого писателя, так и его персонажей, влияние Библии на сознание и творчество Набокова намного сильнее, чем может показаться на первый взгляд. Доказательством тому служит уже стиль его произведений. Главные герои книг, особенно таких известных, как «Лолита» и «Приглашение на казнь», являются одинокими писателями, философами и мыслителями. В их речи звучат молитвенные интонации, явные или скрытые цитаты из Библии.

Общеизвестно, что Библия — самая трагическая книга в истории человечества, потому что вся история человечества — это история завета и предательства. Что может быть трагичнее участи Вседержителя, создавшего целый мир для людей и просившего в ответ так немного — всего лишь веры и соблюдения десяти несложных заповедей, но все-таки забытого ими?

Воистину трагичны судьбы почти всех героев Набокова. Редко кто в его книгах остается не то что счастливым, а хотя бы живым.

Великая трагичность человеческой жизни сближает творчество Набокова с книгами Священного Писания. Но причина этой трагичности различна. В Библии — это нарушение союза человека с Богом, а у Набокова — это конечность физической жизни человека, противоречащая бесконечности его сознания.

Трагедия утраты детства человечеством и трагедия утраты детства конкретным человеком также связывает Священное Писание и книги Набокова. Только в изгнании из Рая Адами и Евы все-таки была их вина. В утрате детства конкретным человеком его вины нет, таков естественный ход бытия, но из него произрастает трагедия, разрушающая жизнь героев.

И в Библии, и у Набокова одиночество — печать избранных. В Священном Писании пророки, рабы Господа, неизбежно избирают одиночество ради служения Богу для сохранения бессмертной души. Герои Набокова — писатели, философы, мыслители — избирают одиночество для служения искусству как способу достижения бессмертия своего сознания.

При кажущейся «холодности» Священного Писания, в «Песни Песней» явлена мысль о непреходящей трагичности настоящей любви, всегда заключающей в себе частичку смерти. Набоков — один из немногих писателей, пишущий о настоящей любви, которая не ждет ответа, способна преодолеть любые трудности и потому приближается к христианскому пониманию любви. Но кроме красоты в узком смысле, красоты конкретного человека, для Набокова характерно осознание красоты окружающего мира, природы, сложившейся гармонии вселенной.

Что может быть ценнее, чем обладать абсолютной свободой воли и не бояться чужого права выбора? Поэтому и смеются жестокие, пошлые персонажи над набоковскими философами и мыслителями, имеющими силу воли защищать свой духовный выбор.

⁵⁶ Набоков В. Дар: Роман, рассказы / Комментарий. О. Дарка; Худож. В. Норамян. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 1997. С. 353.

⁵⁷ Набоков В. Лолита: Роман / Владимир Набоков; пер. с англ. автора. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 421.

И в библейской истории народа Израиля, и в творчестве Набокова присутствует особенный город — город вечного возвращения. И пусть названия этих городов разные, но сходство им придает ореол избранности.

Герои набоковских книг исследуют самые необычные виды смерти, дают ей самые неожиданные определения. Большинство из них связаны с невозможностью смириться с утратой человеческой индивидуальности и посвящены потусторонности как способу достижения бессмертия души и сознания. Именно это роднит Набокова с Евангелиями, повествующими о чуде воскресения Христа, то есть о первом случае победы над смертью.

Ожидание за пределами жизни иной реальности характерно для многих героев Набокова, что вполне согласуется с библейской идеей о Рае для праведных душ. Как в Евангелиях, так и в произведениях Набокова смерть является лишь ступенью к последующему бессмертию избранной личности.

И книги Священного Писания, и книги Набокова являются попытками человеческого сознания доказать свое бессмертие. В Библии Творец всего сущего, среди прочих чудес, способен сотворить и это чудо. В случае Набокова изначальное библейское слово «Бог» оказывается замененным на слово «Искусство», а писатель приравнивается к Творцу.